

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-149-164

Репрезентация вербального образа акта агрессии в информационном универсуме англоязычных СМИ

Л.Р. Комалова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
117997, Москва, Россия, Нахимовский проспект, д. 51/21
Московский государственный лингвистический университет
119034, Москва, Россия, Остоженка, д. 38

В работе представлены результаты экспериментального исследования репрезентации вербального образа акта агрессии в текстах англоязычных сетевых СМИ. Для проведения исследования методом сплошной выборки и при помощи разработанной ранее критериальной базы для анализа было отобрано 174 аутентичных англоязычных текста СМИ (публикации в жанре репортажа, статьи, заметки) за период 2013—2015 гг. Исследование проводилось с целью выявления структуры вербального образа акта агрессии, который воспроизводится в картине мира русскоязычного реципиента после прочтения публицистических текстов англоязычных СМИ (американские и британские сетевые аналоги печатных изданий) и вызывает или поддерживает в адресате представление о структуре акта агрессии. Актуальность подобной исследовательской задачи обуславливается потребностью поддержания психологического здоровья человека в условиях агрессивной информационно-коммуникационной среды, необходимостью снижения общего высокого уровня напряженности в современном социуме, в немалой мере стимулируемого современными СМИ. Методическая рамка исследования включала применение модифицированного ассоциативного эксперимента, в котором участвовало 98 испытуемых — носителей русского языка, изучающих английский язык в специализированном вузе. Полученные результаты свидетельствуют о многообразии структурных элементов вербального образа акта агрессии, репрезентируемых в текстах СМИ и воспринимаемых реципиентами, а также о направленном смещении фокуса внимания реципиента в сторону формирования враждебной картины мира, в центре которой находится противостояние между агрессором и третьими лицами, а на периферии остается жертва агрессии. Полученные результаты иллюстрированы примерами из первоисточников (сетевых аналогов печатных СМИ) и снабжены комментариями автора.

Ключевые слова: *семантическое поле агрессии, вербальный образ, языковое сознание, картина мира, англоязычные СМИ, ассоциативный эксперимент, восприятие, речевое воздействие, агрессор, жертва*

Representation of the Verbal Image of Aggression in the Informational Universe of the English-Language Mass Media

Liliya Komalova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/21, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, Russia, 117997
Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka street, Moscow, Russia, 119034

Abstract

This contribution explores the representation of the verbal image of aggression in the texts of the English-language digital mass media. The research is based on the quantitative and qualitative semantic analyses of 174 authentic English texts (journalistic reports and newspaper articles) produced during the

period of 2013—2015 and selected on the basis of special criteria, which were elaborated in our previous works on detecting descriptors of aggression in written texts. The aim of the research is to reveal the structural components of the verbal image of aggression reproduced in the worldview of Russian native speakers after reading English texts (British and American digital newspapers articles) and to find out if the resulting cognitive model refers to the real act of aggression. The paper contributes to the research field of psycholinguistics, emphasizing the need to support people's psychological health in the context of an aggressive media environment, which produces high psychological tension. The research methodology is based on a modified associative experiment procedure, which involves 98 native speakers of Russian (university students majoring in linguistics and translation). The obtained results demonstrate a great variability of the structural elements of aggression verbalized in mass media texts. They also indicate that the focus of the reader's attention is deliberately shifted towards the formation of a hostile cognitive model of the world, with the aggressor and the third party involved in the aggressive act in the center of the battlefield, and the victim of aggression on the periphery. The findings are illustrated by textual examples from authentic British and American newspaper articles and supplied with the author's commentaries.

Keywords: *semantic field of aggression, verbal image, linguistic consciousness, worldview, English-language mass media, associative experiment, perception, speech influence, aggressor, victim*

1. ВВЕДЕНИЕ

Психологи утверждают, что погружение субъекта в коммуникативную среду, в которой фокус внимания реципиента направлен на темы, связанные с насилием, агрессией, конфликтами (Anderson, Gentile, Buckley 2007, Жмуров 2007), где в суждениях превалирует отрицательная оценка, практикуется «репрессивный» вид коммуникации (Цой 2001), часто используются конфронтационные стратегии речевого общения (Кошкарова 2008, Werner, Bumpus, Rock 2010, Воронцова 2016, Peterson, Densley 2017), что соприкосновение с такой коммуникативной средой может (при прочих сопутствующих условиях) повысить уровень тревожности реципиента, спровоцировать депрессивные состояния, реакции агрессивного характера (Wright, Li 2011, Law, Sharpa, Domene 2012). В частности, не в первый раз говорится о том, что вербальная коммуникация, например, в рамках интернет-форумов, социально-сетевых платформ «заражает» участников отрицательными эмоциями (Sparby 2017), провоцирует у наблюдающих субъектов фрустрирующие состояния (Холод 2017, Allison, Bussey 2016, Stephens, Trawley, Ohtsuka 2016, Rebs 2016).

Общеизвестно, что модели агрессивного поведения, существующие в обществе, закрепляются в языке и транслируются из поколения в поколение как прямую, посредством реализации и восприятия речевого поведения значимых индивидов, так и опосредованно через тексты (СМИ, художественные произведения, кинофильмы и т.п.) (Берковиц 2001, Жмуров 2007, Ениколопов, Кузнецова, Чудова 2014, Renfrew 1996, Kurst-Swanger, Petcosky 2003, Levesque 2007, Russell 2008 и др.). Питательной средой для воспроизводства и трансляции общественно одобряемых и общественно порицаемых моделей агрессивного поведения, в том числе и речевого, являются тексты средств массовой информации (печатных и сетевых аналогов газет, журналов, а также телепередачи).

Нельзя не согласиться с тем, что СМИ являются источником активного формирования представлений о том, каким может/должно быть агрессивное поведение человека. В рамках способствующей модели СМИ «помогают детям определить свое отношение к другим людям, способствуют образованию у них представлений о вероятном поведении других людей. У подростков формируются представления

о том, каким образом лучше всего справиться с проблемами между людьми» (Ениколопов, Кузнецова, Чудова 2014: 15).

У реципиента благодаря сообщениям СМИ формируется установка, согласно которой агрессия позволяет достичь желаемого, т.е. агрессивное поведение приносит пользу; агрессию проявляют герои, поэтому такое поведение одобряемо обществом; героев редко наказывают, значит, агрессивное поведение безопасно, и страдания жертвы часто остаются «за кадром», в связи с чем агрессия безобидна (Ениколопов, Кузнецова, Чудова 2014, Renfrew 1996).

Кроме того, в текстах СМИ реализуется «модель национального языка», в которой представлен эмоциональный речевой компонент в виде моделей речевой агрессии. Медийный дискурс (тексты печатных СМИ, теле-, радио- и кинопродукция, интернет-издания) в целом изобилует описаниями агрессивных сцен насилия, жестокости, убийств, надругательств, унижений, демонстрации силы, военных действий, различного рода конфликтов. На этом фоне, как отмечает И.П. Лысакова, «в отечественных СМИ сегодня часто рекламируется агрессия и интолерантность, в массовом сознании абсолютизируется протест и нетерпимость как единственные способы достичь справедливости (разрушив до основания ценности сотрудничества и сосуществования своих и чужих)» (Лысакова 2007: 5).

В соответствии с отношениями, устанавливаемыми между участниками коммуникативного события, выделяют несколько типов вербализации агрессии в текстах СМИ (Речевая агрессия... 1997):

- ◆ автор своим материалом прямо призывает адресата к агрессивным действиям против предмета речи;
- ◆ автор своим представлением предмета речи вызывает или поддерживает в адресате агрессивное эмоциональное состояние;
- ◆ автор агрессивно вводит предмет речи в сферу адресата и побуждает его совершить неагрессивное, но прямо или косвенно выгодное адресату действие.

Таким образом, «тематика и стилистика газетных, журнальных, теле- и радиоматериалов часто негативным образом влияют на коммуникативное пространство и делают его враждебным» (Кошкарлова 2010).

Исследователи вербального представления акта агрессии на страницах печатных СМИ утверждают, что подобное представление само по себе является эффективным приемом воздействия на массовое сознание, имплицитно реализующим такой вид агрессии, как намеренная речевая агрессия.

Таким образом, вербальное представление акта агрессии на материале средств массовой информации может быть отнесено к *наступательному* типу агрессии. Эффект воздействия реализуется за счет создания резкого контраста, когда определенные вербальные единицы семантики агрессии максимально ярко выделяются на фоне нейтрального стиля публикации. Например, в работе (Басовская 2004) рассматривается взаимодействие интервьюера-журналиста и интервьюируемого с последующей публикацией журналистского произведения (интервью), в котором реализуется речевая агрессия. Автор утверждает, что «тексты печатных средств массовой информации не вполне типичны. Им вообще не свойственна спонтанность, и вербальная агрессия проявляется в репликах журналистов не под влиянием эмоционального порыва, а в соответствии с продуманной стратегией». Таким образом, можно утверждать, что использование агрессивных высказываний

в надлежащем контексте обеспечивает журналисту доминирующую позицию в диалоге с читателем и тем самым дает возможность насаждать определенные концепты и представления о реальной действительности и определенных субъектах.

При этом анализ непосредственно языковых и речевых составляющих подобных публикаций дает возможность диагностировать и определенную приверженность автора текста, и провоцируемый у реципиента на уровне восприятия потенциал агрессии, который в большей мере актуализируется у индивидов, склонных агрессивно реагировать на раздражители. Иными словами, анализ текстов печатных СМИ с семантическим компонентом «агрессия» позволяет выявлять вербальные средства, выступающие инструментом экспликации агрессии и определить установки «информационного агента» (СМИ) (по: Комалова 2017(а): 143) в отношении предмета обсуждения.

2. КОНТАМИНАЦИЯ МАССМЕДИА КАК СОЦИАЛЬНО-ДЕСТРУКТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Представленное в настоящей статье исследование проводилось с целью выявления вербального образа акта агрессии, который воспроизводится в картине мира русскоязычного реципиента после прочтения публицистических текстов англоязычных СМИ (американских и британских сетевых аналогов печатных изданий) и вызывает или поддерживает в адресате представление о структуре акта агрессии.

Актуальность подобной исследовательской задачи обусловливается потребностью в поддержании психологического здоровья человека в условиях агрессивной информационно-коммуникационной среды, необходимостью снижения общего высокого уровня напряженности в современном социуме, в немалой мере поддерживаемого современными СМИ. «Загрязнение» (контаминация) коммуникативной среды вербальными образами, соотносимыми с деструктивным типом общения, ситуациями актуализации конфликтов, проявления насилия, является следствием геополитических преобразований (Месропян 2011, Черкасова 2011, Булатова 2016, Озюменко 2017) и жесткой конкуренции (Sylwester 2001), в которой находятся современные СМИ. Скорость информационного потока, потребность в захвате внимания реципиента вынуждает СМИ прибегать к так называемым «архаичным» или базовым психологическим механизмам привлечения внимания: продуцирование дискурса, провоцирующего отрицательные эмоции страха, гнева, отвращения и т.п.

В.И. Шаховский (Шаховский 2016) утверждает, что «при комментировании негативных новостей в СМИ журналисты зачастую сознательно создают огромное количество неэкологических окказиональных единиц (креатем), репрезентирующих негативные и даже разрушительно агрессивные эмоциональные состояния, воздействующие на массовое сознание» (Пищальникова 2017: 118). Деструктивность современного медиа-пространства «в подавляющем большинстве речевых произведений культивирует в человеке низшие потребности, эгоцентризм, враждебность к Другому. <...> Объем негативной информации в сфере СМИ и других видах публичного и индивидуального общения превышает все нормы, допустимые для психики человека» (Пищальникова 2017: 123), создает предпосылки для развития

у реципиента когнитивного стресса. «Негативная информация, репрезентированная неэкологичным способом, стереотипизируется, а потому становится способной усиливать у потребителей медиа тревогу и беспокойство, провоцировать внутренний дискомфорт, стресс, вызывать иные психологические и физические расстройства» (Пищальникова 2017: 124).

Намеренный характер использования агрессогенных лексем и лексем семантического поля «агрессия» в текстовом продукте СМИ и наличие негативного аффективного отклика у реципиента на данный продукт, а также массовый характер подобного взаимодействия позволяют относить «загрязнение» (контаминацию) массмедийной сферы к социально-деструктивным проявлениям. На основании вышеизложенного «загрязнение» (контаминация) массмедийной среды соотносится с определением агрессии в терминах Л. Берковица как действия, которое мотивировано намерением причинить вред кому-то другому (Берковиц 2001: 32). В случае с текстами/дискурсом (по Р.К. Потаповой) СМИ имеется в виду, скорее всего, инструментальный вид агрессии, реализуемой как средство достижения иного, нежели нанесение ущерба, результата.

3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АКТА АГРЕССИИ*

3.1. Методика и материал исследования

Гипотеза исследования заключалась в том, что в текстах англоязычных СМИ вербальный образ акта агрессии воспроизводится неравномерно, с доминирующим центром и подчиненной периферией. Совокупность структурных компонентов вербального образа составляет модель взаимодействия в рамках акта агрессии, которая транслируется СМИ как «оттиск» реального взаимодействия в ситуации проявления агрессии.

В исследовании приняли участие 98 испытуемых — носителей русского языка, изучающих английский язык в специализированном вузе (ФГБОУ ВО МГЛУ, уровень языковой компетенции: Upper Intermediate — Advanced), в возрасте 20—23 лет, рожденные и проживающие на территории РФ (родной язык — русский). Перед началом исследования всем испытуемым сообщили о содержании предстоящего эксперимента, о возможном отказе от участия в исследовании в любой момент исследования, о конфиденциальности персональной информации, о том, что результаты эксперимента будут использоваться исключительно в научно-исследовательских целях. Каждый испытуемый подписал информированное согласие на участие в эксперименте.

---

* В текст статьи включены также материалы, представленные в диссертационном исследовании автора по данной тематике (Комалова Л.Р. Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния «агрессия» (на материале разносистемных данных корпусной лингвистики): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 348 с. / The paper also includes materials presented in the dissertation research of the author on this subject (Komalova, L.R. (2017) Multilingual typology of verbalization of aggression as an emotional state (on the basis of nonstructural data of corpus linguistics): Dissertation thesis [Tipologiya mul'tilingval'noj verbalizacii ehmocional'nogo sostoyaniya «agressiya» (na materiale raznosistemnyh dannyh korpusnoj lingvistiki): Dis. d-ra filol. nauk]. Moscow. (In Russ.).

Участникам исследования предлагалось проанализировать 174 аутентичных англоязычных текста СМИ (официальные сетевые аналоги многотиражных газет, информационных агентств Великобритании и США) за период 2013—2015 гг. Стимульный материал был отобран на предварительном этапе исследования методом сплошной выборки в соответствии с разработанными ранее критериями (Потапова, Комалова 2016) группой экспертов ($n = 32$). Исследуемые тексты можно охарактеризовать как относящиеся к семантическому полю «агрессия» (отмечается наличие 8—25% лексем соответствующей семантики (см. подробнее: Потапова, Комалова 2016)), релевантные тематической рамке (в текстах описываются вооруженные конфликты, криминальное поведение, протестные действия, сцены жестокого обращения и т.п.).

Исследование проводилось по модифицированной методике направленного ассоциативного эксперимента (см. подробнее: Комалова 2017(а): 146), в котором испытуемым предлагалось указать в отобранных текстах СМИ лексемы, которые в их представлении при ознакомлении с текстом ассоциируются с агрессией. Все указанные испытуемыми лексемы были извлечены из текстов. Для дальнейшего анализа из полученной выборки были исключены лексемы, не соотносящиеся с семантикой агрессии в изолированной позиции (вне текста).

3.2. Полученные результаты

В итоге было проанализировано 867 лексем-ассоциатов, из них 243 — глаголов, 426 — имен существительных, 179 — имен прилагательных, 18 — наречий, 1 — предлог. Все полученные ассоциаты были распределены по 45 семантическим кластерам, которые, в свою очередь, объединились в 7 типологических групп (табл. 1). Ниже приводятся семантические кластеры и типологические группы с примерами употребления лексем-ассоциатов в тексте первоисточника.

Таблица 1

Типологические группы и входящие в них семантические кластеры

Типологические группы	Семантические кластеры:	кол-во	%
1. Виды и формы агрессии (53,8%)	номинации видов и форм агрессии	24	47,1
	номинации качеств агрессии	5	6,7
2. Субъекты акта агрессии (16,7%)	агрессор	2	9,2
	жертва	2	3,3
	третье лицо, вовлеченное в акт агрессии	2	4,2
3. Инструменты реализации агрессии / управления агрессией (13,8%)	номинации инструментов	1	8,6
	качества инструментов	1	3,5
	инструментальные действия	1	1,7
4. Последствия агрессии (5,4%)	номинации последствий	1	5,2
	качества последствий	1	0,2
5. Элементы эмоционально-модального комплекса «агрессия» (4,8%)	номинации эмоций, эмоционально-модальных состояний	1	2
	эмоциональные действия	1	1,3
	качества эмоциональных действий	1	1,5
6. Агрессивные системы и процессы	—	1	1
7. Вне типологии	—	1	4,5
Итого:		45	100

Далее выделенные типы и семантические кластеры были ранжированы по количественному признаку. В соответствии с полученными количественными данными прослеживается следующее (в качественном и количестве значениях) соотношение типов в структуре вербального образа акта агрессии:

- ◆ наиболее вариативным и количественно выраженным выступает типологическая группа «виды и формы агрессии» (53,8% лексем-ассоциатов);

- ◆ за ней следуют в порядке уменьшения количества ассоциатов следующие типологические группы: «субъекты акта агрессии» (16,7%), «инструменты реализации агрессии / управления агрессией» (13,8%), «последствия агрессии» (5,4%), «элементы эмоционально-модального комплекса „агрессия“» (4,8%), «агрессивные системы и процессы» (1%);

- ◆ не распределенные по семантическим кластерам ассоциаты были объединены в группу «вне типологии» (4,5%).

На основе данного количественного распределения удалось описать модель вербальной репрезентации акта агрессии в англоязычных СМИ. За счет описания различных видов и форм проявления агрессии формируется представление о внешнем мире (социуме, организации, социальной группе, соседе, незнакомце) как о враждебной среде, полной угроз и опасностей (53,9%). В этой среде любой субъект изначально должен восприниматься как враг (9,2% лексем-ассоциатов семантического кластера «агрессор»). Обычный человек не в силах сам защитить себя в этом агрессивном мире (3,3% семантического кластера «жертва»), он даже не знает своего врага в лицо, не знает, как защититься от него. В связи с беспомощностью жертва обращается к третьим лицам (4,2%), располагающим ресурсами и широкими полномочиями в деле заботы о безопасности человека и социума. В борьбе делегированных третьих лиц против агрессора обе стороны применяют похожие средства реализации агрессии / управления агрессией (13,8%). Последствия агрессии (5,4%) распространяются как на непосредственную жертву, так и на агрессора и на третье лицо, вовлеченное в акт агрессии. В эмоциональной составляющей процесса (4,8%) допускается исключительно отрицательные аффективные состояния. При этом в незначительной степени качество агрессивности атрибутируется более массивным образованиям типа агрессивных систем и режимов (1%).

Лексико-семантическая структура описываемой модели свидетельствует о первостепенности номинации явления и затем определения в рамках этого явления места и роли субъектов-участников акта агрессии.

Наибольшая вариативность семантических кластеров отмечается в рамках типологической группы «**виды и формы агрессии**» (такие семантические кластеры, как например, борьба, похищение, обманные действия, удержание, преследование, обвинение и т.п.). Наиболее частотным кластером вербализации агрессивных действий являются:

- ◆ «борьба» (ассоциаты типа: *battle, fight, struggle*), например:

(1) When military commanders draw up their plans, they assume they will be *going into battle against* armies.

(2) During the revolution in Egypt last year, ordinary people *entered into pitched battles with* security forces.

(3) The popular *struggle* of people in Syria can bring the regime down.

◆ «захват, насильственные действия» (ассоциаты типа: *conquer*), например:

(4) The “*divide and conquer*” strategy still works.

◆ «удержание против собственной воли» (ассоциаты типа: *invade, bit, curb*), например:

(5) The Iraq Body Count project (IBC) has been continuously tracking, analysing and maintaining a public record of civilian deaths since the beginning of 2003 when coalition forces *invaded*.

(6) But this singular opportunity to *curb* the gun violence must not be wasted in more of the posturing in Washington that tolerates 30.000 gun deaths a year.

(7) Republican senators reminded Cordray at his confirmation hearing that they want to see his powers as director of the agency *curbed*.

◆ «применение физической силы» (ассоциаты типа: *kick, push, head-butt*), например:

(8) Daniel Batley, of Naismith Road, was given a 12-month community order and 12-month supervision order at Norwich Magistrates’ Court after pleading guilty to *head-butting* his ex-girlfriend during an argument in Chapelfield Gardens.

(9) He cut her face with a knife and made off after the victim had *kicked* him.

(10) The argument saw him *grab* his girlfriend’s wrists and *push* her.

(11) The victim, an Asian man from Mitcham, was taunted and pushed by his attacker... The man was aggressive to the victim, *pushing* him and continuing his tirade of abuse.

◆ «описание завершения насильственного действия» (ассоциаты типа: *defeat, oust, subvert, eliminate*), например:

(12) She pointed the finger primarily at Iran, accusing it of dispatching more personnel and better military material to President Bashar Assad’s regime to help him *defeat* rebel forces.

(13) Like other Arab countries that *ousted* authoritarian leaders, Libya is now mired in a chaotic and violent transition to a new society.

(14) NATO has so far succeeded in *subverting* the people’s demands for democracy and is in control of the motley collection of the leaders of the Libyan “rebels”.

(15) Even the country’s current president, Mohammed el-Megarif, would *be eliminated* because he served as Libya’s ambassador to India in 1980.

В рамках типологической группы «**субъект акта агрессии**» лидирующее место занимает семантический кластер «агрессор» (например, такие ассоциаты, как: *assault, suicide car bomber, hypocrites*):

(16) Then, seven other *attackers* wearing vests rigged with explosives stormed the compound. Three *attackers* blew themselves up inside the complex while police shot the remaining four during a gunfight that lasted more than an hour.

(17) A *gunman* opened fire at a Phoenix office complex on Wednesday, killing one person, wounding two others and setting off a manhunt.

- (18) Witness accounts led police to believe that a man living at the home saw the *gunman* assaulting another woman Monday.
- (19) We will continue to intervene, support victims and bring *offenders* to justice.

Далее следует кластер «третье лицо, вовлеченное в акт агрессии» (ассоциаты типа: *police officer, squadron*), например:

- (20) In other violence, a roadside bomb killed two *police officers* and wounded another in the Nad Ali district of southern Helmand province, the governor's office there said.
- (21) Foreign and domestic *judges* and *prosecutors* have processed about 100 cases of war crimes, including genocide, in accordance with international standards and under the monitoring of the Organization for Security and Cooperation in Europe.
- (22) *Police* are appealing for *witnesses* after a man racially abused and mocked for his religion.

На третьем месте по частоте ассоциатов находится семантический кластер «жертва» (ассоциаты типа: *kid, survivor, pupil*), например:

- (23) The official *death toll* in the worst-affected town of Meikhtila stands at 11, but local estimates put it as much as four times higher.
- (24) Sid Gautreaux, sheriff of East Baton Rouge Parish, said the average *homicide victim* and perpetrator is between the ages of 17 and 25 years old.
- (25) William Hague joined Angelina Jolie to see CARE international's work with *survivors of sexual violence* in Africa.

Отмеченная асимметрия в сторону преобладания номинаций агрессора в паре «агрессор — жертва» свидетельствует о нивелировании образа субъекта, испытывающего на себе агрессию другого. Таким образом, акцент смещается с акта агрессии как взаимодействия конкретного агрессора и конкретной жертвы на фигуру агрессора в целом как потенциальную угрозу любому и каждому, но вне рамок конкретной ситуации. Например:

- (26) Cross, who has been involved with *state militia groups* (*агрессор*) since the early 1990s, said his group isn't all that upset with *state lawmakers* (*третье лицо*), who last year passed an open-carry measure that lets those with a handgun license openly display their weapon in a holster.

Более весомую оппозицию агрессору составляет третье лицо, вовлеченное в акт агрессии. В языковом сознании испытуемых (носителей русского языка) при восприятии текстов современных СМИ (на английском языке) по проблематике, включающей обсуждение в СМИ таких тем, как криминальное поведение, насилие в семье, проявление жестокости по отношению к животным, военные действия, различного рода конфликты, формируется некий образ агрессора наряду с образом противодействующего ему третьего лица (в большинстве случаев — это представители властных и силовых структур, органы юстиции и правопорядка), в то время как объект агрессии (жертва) выносится за рамки взаимодействия. Например:

- (27) The *forces* (*третье лицо*) aren't members of the leading *rebel group* (*агрессор*), the Free Syrian Army, which Washington and others fear may be increasingly coming under the sway of *extremist militia groups* (*агрессор*), including some linked to al-Qaida, they said.

Позиция жертвы подвергается рефлексии со стороны СМИ в незначительной мере. Жертва по-прежнему остается беспомощным объектом агрессии, не способным противостоять агрессивным действиям. Например:

- (28) The **man** was threatening to shoot (*агрессор*) his **girlfriend, children** and other **family members** (*жертвы*).

Единственно возможной стратегией действий (согласно вербализуемой модели акта агрессии) в этом случае является обращение за помощью к третьим лицам. Среди лексем, описывающих третьих лиц, преобладают именно те, которые представляют людей и структуры, выступающие в помогающей позиции со стороны жертвы (Комалова 2016: 97) (ассоциаты типа: *guard; prosecutor, convoy, witness*), наряду с этим встречаются и номинации, апеллирующие к третьим лицам на стороне агрессора (ассоциаты типа: *militant, sniper*), например:

- (29) The support offered to her by her **friend** and a **concerned family member** (*третье лицо на стороне жертвы*), who had also contacted **police** (*третье лицо на стороне жертвы*), was crucial to keeping her safe. Everyone can play a part in tackling domestic abuse.
- (30) **Neighbourhoods** (*жертвы*) have faced a bloody campaign of shelling, **snipers** (*третье лицо на стороне агрессора*) and **violent militias** (*третье лицо на стороне агрессора*) unleashed by **Assad's regime** (*агрессор*).

Отмеченная ролевая асимметрия подтверждает гипотезу, выдвинутую Е.М. Меркуловой в отношении формирования в американских СМИ образа жертвы: «американский политический дискурс основан на вере американцев в Америку как сверхдержаву, которая имеет право решать судьбы других стран, более слабых и пассивных. Поэтому при описании военного конфликта изображается ответственная за *весь мир* сторона — Защитник [в нашей терминологии — третья сторона (Л.К.)] — и пассивная, слабая Жертва» (Меркулова 2012: 143). «Пассивное положение стороны Жертвы имеет особый прагматический эффект: такое представление реальности передает информацию о необходимости вмешательства Защитника (США), ведь Жертва не может сама себя защитить» (Меркулова 2012, 142).

Следующую по количеству ассоциатов типологическую группу составляют **инструменты реализации агрессии / управления агрессией** (эта группа включает такие семантические кластеры, как «номинации инструментов», «качества инструментов», «инструментальные действия»):

- (31) A Texas sheriff says the man charged with killing a former Navy SEAL and his friend was **shocked** (*инструментальное действие*) with a **stun gun** (*инструмент регулирования агрессии*) and **restrained in his jail cell** (*инструмент регулирования агрессии*) after becoming aggressive.
- (32) He grabbed her and **cut** (*инструментальное действие*) her across the neck with a **knife** (*инструмент реализации агрессии*) before laughing and running off.
- (33) The opposition fighters **blasted** (*инструментальное действие*) army checkpoints with **rifles** (*инструмент реализации агрессии*) and **anti-aircraft** (*качество инструмента*) **guns** (*инструмент реализации агрессии*) while government forces shelled the eastern and southern suburbs, trying to repel a new insurgent effort to push the civil war into the heart of the capital.

Менее представленной является типологическая группа «**последствия агрессии**» (включающая семантические кластеры «номинации последствий», «качества последствий»):

- (34) O'Dell raped her while she was in *agony* from the *injuries* (номинации последствий агрессии).
- (35) A five-month-old girl was killed by a pair of rottweilers and, just days later, a three-year-old was attacked and left with *horrific* (качество последствий) *injuries* (номинация последствий агрессии).

Еще в меньшей мере в текстах сетевых аналогов современных СМИ рефлексированы элементы эмоционально-модального комплекса «агрессия» (к ним нами были отнесены такие семантические кластеры, как «номинации эмоций, эмоционально-модальных состояний», «эмоциональные действия», «качества эмоциональных действий»):

- (36) The 20-year-old Lanza killed 20 children and six adults in a five-minute *rampage* (номинация эмоционально-модального состояния) at the school before committing suicide as police closed in.
- (37) What worried Salazar was that a woman who *feared* (номинация эмоционального состояния) she was being followed by a rapist might *overreact* (эмоциональные действия) dangerously.

В незначительной степени по отношению к другим группам в текстах англоязычных СМИ, согласно оценкам русскоязычных реципиентов, вербализуется тип «агрессивные системы и процессы», представленный одноименным семантическим кластером:

- (38) Parliamentarians and conservative newspapers in Tehran have variously blamed the turmoil in Britain on human rights violations, 'chronic injustice', *racism* (агрессивная система ценностей), *social deprivation* (агрессивный процесс) and the rise of student tuition fees.
- (39) Their whole system breeds violence. They use *racism* and *sexism* (агрессивные системы ценностей) to oppress people and force millions of people to die because they can't afford the basics of life.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты свидетельствуют о многообразии структурных элементов в вербальном образе акта агрессии (45 семантических кластеров), репрезентируемых в текстах англоязычных СМИ и воспринимаемых русскоязычными реципиентами. Это говорит о том, что СМИ удается отображать в вербальной форме многообразие реального акта агрессии, который представляется как комплексное явление, реализуемое симультанно и на аффективном, и на когнитивном, и на деятельностном уровнях взаимодействия.

Зафиксированная в ходе экспериментального исследования модель вербализации акта агрессии свидетельствует о том, что информационные агенты (СМИ) направленно смещают фокус внимания реципиента в сторону формирования враждебной картины мира, конструируемой на базе таких семантических кластеров,

как «виды и формы агрессии», «субъекты акта агрессии», «инструменты реализации агрессии / управления агрессией». Можно сделать вывод о том, что наиболее значимым структурным элементом в вербальном образе акта агрессии выступает сам факт осуществления агрессии. В меньшей мере представлены элементы «субъекты агрессии» и «их действия». В целом, подобный фокус внимания соотносится с задачей СМИ информировать о событиях действительности (жанр репортажа, отвечающий на основные вопросы «что? кто? где? когда? почему?»).

Представляется преждевременным делать вывод о рефлексивности СМИ в отношении вербального образа акта агрессии, т.к. для этого требуется более глубокий качественно-количественный анализ контекстов словоупотребления выявленных лексем-ассоциатов.

На данном этапе исследования можно обратить внимание на следующую особенность вербальной репрезентации модели взаимодействия субъектов в акте агрессии. Жертве, к которой в силу психологических законов восприятия, скорее всего, имплицитно будет себя приравнивать адресат медиа-сообщения, в описываемой модели отводится роль донора: с одной стороны, жертва является объектом агрессии, с помощью которого агрессор напрямую получает желаемое (наступательная гетероагрессия), либо опосредованно (инструментальная гетероагрессия) достигает своей цели посредством формулирования угроз по отношению к жертве; с другой стороны, благодаря внушаемой и природно-заложенной беззащитности жертвы третьи лица получают возможность обосновать необходимость применения тех или иных мер, зачастую соизмеримых с действиями агрессора. Таким образом, вопрос о силовых методах взаимодействия в акте агрессии приобретает качество социально одобряемого или социально порицаемого действия, что, в свою очередь, вынуждает обратиться к базовому определению агрессии как социально реализуемого явления, характеризующегося как амбивалентное.

© Л.Р. Комалова, 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: О вербальной агрессии в средствах массовой информации // *Критика и семиотика*. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 7. С. 257—263. [Basovskaya, E.N. (2004). Tvortsy cherno-beloi real'nosti: O verbal'noi agressii v sredstvakh massovoi informatsii. (Black and white reality: verbal aggression in Mass Media). *Kritika i semiotika*, 7, 257—263 (In Russ.).]
- Берковиц Л. Агрессия: Причины, последствия, контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. [Berkowits, L. (2002). Agressiya: Prichiny, posledstviya i kontrol' (Aggression: its causes, consequences, and control). St Petersburg: Prime (In Russ.).]
- Булатова Е.И. Средства вербальной агрессии как инструмент информационных войн (На примере арктического медиадискурса) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2016. № 8 (62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 88—91. URL: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/24.html (дата обращения: 24.07.2017). [Bulatova, E.I. (2016). Means of verbal aggression as a tool of information wars (By the example of the Arctic media discourse). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 8(62), part 1, 88—91. Retrieved from: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/24.html (In Russ.).]

- Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: Речевая агрессия в интернет-коммуникации // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2016. Т. 26, вып. 2. С. 109—116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26087618> (дата обращения: 20.01.2018). [Voronцова, T.A. (2016). Trolling and flaming: Speech aggression in the internet communication. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i Filologiya*, 2(26), 109—116. Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26087618> (In Russ.).]
- Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия, 2014. [Enikolopov, S.N., Kuznetsova, Yu.M., Chudova, N.V. (2014). *Agressiya v obydennoi zhizni*. (Aggression in real life). Moscow: Politicheskaya entsiklopediya (In Russ.).]
- Жмуров Д.В. Криминальная агрессия детей и подростков. Иркутск: Репро-центр, 2007. [Zhmurov, D.V. (2007). *Kriminal'naya agressiya detei i podrostkov* (Child and teenage criminal aggression. Irkutsk: Repro-tsentr (In Russ.).]
- Комалова Л.Р. Агрессогенный дискурс: Типология мультилингвальной вербализации агрессии. М.: Спутник +, 2017а. [Komalova, L.R. (2017a). *Agressogennyi diskurs: Tipologiya mul'tilingval'noi verbalizatsii agressii* (Aggressogen discourse: The multilingual aggression verbalization typology). Moscow: Publishing House Sputnik + (In Russ.).]
- Комалова Л.Р. Вербальный образ субъекта агрессии в русскоязычных сетевых СМИ // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 96—98. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/28.html> (дата обращения 12.01.2018). [Komalova, L.R. (2016). The verbal image of the subject of aggression in the Russian language network mass media. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 5(59), part 2, 96—98. Retrieved from: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/5-2/28.html> (In Russ.).]
- Комалова Л.Р. Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния «агрессия» (на материале разносистемных данных корпусной лингвистики): Дис. д-ра филол. наук. М., 2017б. 348 с. [Komalova, L.R. (2017b). *Tipologiya mul'tilingval'noj verbalizatsii ehmocional'nogo sostoyaniya «agressiya»* (na materiale raznosistemnyh dannyh korpusnoj lingvistiki) (Multilingual typology of verbalization of aggression as an emotional state (on the basis of nonstructural data of corpus linguistics): Dis. d-ra filol. nauk]. Moscow (In Russ.).]
- Кошкарлова Н.Н. Клевета, оскорбление, диффамация: Критерии разграничения и пути преодоления [Электронный ресурс] // *Материалы конференции*, 2010. URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2010/9-1-0-337 (дата обращения 31.06.2017). [Koshkarova, N.N. (2010). *Kleveta, oskorblenie, diffamatsiya: Kriterii razgranicheniya i puti preodoleniya* (Slander, insult, defamation: differentiation criteria and ways to overcome). Retrieved from http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2010/9-1-0-337 (In Russ.).]
- Кошкарлова Н.Н. Конфликтный дискурс: Психологические и лингвистические аспекты. Челябинск: ЮУрГУ, 2008. [Koshkarova, N.N. (2008). *Konfliktnyi diskurs: Psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty* (Conflict Discourse: psychological and linguistic aspects). Chelyabinsk: YuUrGU (In Russ.).]
- Лысакова И.П. Язык современной русской прессы: Социолингвистический аспект // *Язык массовой и межличностной коммуникации / под ред. Я.Н. Засурского, Н.И. Клушиной, В.В. Славкина, Г.Я. Солганика*. М.: МедиаМир, 2007. С. 40—54. [Lysakova, I.P. (2007). *Yazyk sovremennoi russkoi pressy: Sotsiolingvisticheskii aspekt*. (Language of Modern Russian Press. Sociolinguistic aspect). In Zasurskii, Ya.N., Klushina, N.I., Slavkin, V.V., Solganik, G.Ya. (eds.) *Yazyk massovoi i mezhlchnostnoi kommunikatsii*. Moscow: MediaMir, 40—54 (In Russ.).]

- Меркулова Е.М. Средства вербализации жертвы в российском и американском военных дискурсах // *Политическая лингвистика*. 2012. № 4 (42). С. 139—144. URL: <http://politlinguist.ru/materials/pl/42.pdf> (дата обращения 07.01.2018). [Merkulova, E.M. (2012). Means of Verbalization of Victim in the Russian and American Discourses, Describing War). *Political Linguistic Journal*, 4 (42), 139—144. Retrieved from <http://politlinguist.ru/materials/pl/42.pdf> (In Russ.).]
- Месропян Л.М. Имплицитная речевая (вербальная) агрессия как средство воздействия в информационной войне // *Российский академический журнал*. 2011. № 3, том 17. С. 44—46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16852961> (дата обращения 21.02.2018). [Mesropyan, L.M. (2011). The implicit speech (verbal) aggression as the lever in information war. *Russian Academic Journal*, 17(3), 44—46. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=16852961> (In Russ.).]
- Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: От манипуляции — к агрессии // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2017. № 1 (21). С. 203—220. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220>. [Ozyumenko, V.I. (2017). Media discourse in an atmosphere of information warfare: From manipulation to aggression. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), 203—220. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220> (In Russ.).]
- Пищальникова В.А. 2017.01.018. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: Человек, язык, эмоции // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 6: Языкознание*. 2017. № 1. С. 117—126. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28857556> (дата обращения 28.01.2018). [Pishchal'nikova, V.A. Shakhovskii, V.I. (2017). Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: Chelovek, yazyk, emotsii. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Referativnyi zhurnal. Seriya 6: Yazykoznanie*, 1, 117—126. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=28857556> (In Russ.).]
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р. Информационная структура письменного текста, содержащего индикаторы состояния «агрессия» // *Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Гнозис, 2016. С. 599—607*. [Potapova, R.K., Komalova, L.R. (2016). Informatsionnaya struktura pis'mennogo teksta, soderzhashchego indikatory sostoyaniya «agressiya». In Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Informatsionnaya struktura tekstov raznykh zhanrov i epokh*. Moscow: Gnozis, 599—607 (In Russ.).]
- Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1997. [Rechevaya agressiya i gumanizatsiya obshcheniya v sredstvakh massovoi informatsii (1997). Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta (In Russ.).]
- Холод О.М. Корреляция вербальной агрессии интернет-читателей и данных электронного декларирования доходов чиновников Украины (в период с 23 августа по 7 ноября 2016 года). *Психолінгвістика*. 2017. Вип. 21(2). С. 118-150. [Holod, O.M. (2017). Correlation between the verbal aggression of the online readers and the data of electronic incomes declaration of the Ukrainian officials (In the period from August 23 to November 7, 2016). *Psycholinguistics*, 21(2), 118—150.]
- Цой Л.Н. Практическая конфликтология: Книга первая. М.: Глобус, 2001. [Tsoi, L.N. (2001). *Prakticheskaya konfliktologiya: Kniga pervaya* (Practice of Conflictology). Moscow: Globus (In Russ.).]
- Черкасова М.Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. [Cherkasova, M.N. (2011). *Rechevye formy agressii v tekstakh SMI* (Speech Forms of Aggression in Mass Media Texts). Rostov on Don: Rostovsky gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya (In Russ.).]

- Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: Человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП «Поликарпов И.Л.», 2016. [Shakhovskii, V.I. (2016). *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugue: Chelovek, yazyk, emotsii*. (Ecolinguistic Dissonant in Circle of Communication) Volgograd: Polikarpov I.L. (In Russ.)]
- Allison, K.R., Bussey, K. (2016) Cyber-bystanding in context: A review of the literature on witnesses' responses to cyberbullying. *Children and Youth Services Review*, 65, 183—194. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chidyouth.2016.03.026>.
- Anderson, C.A., Gentile, D.A., Buckley, K.E. (2007) *Violent video game effects on children and adolescents: Theory, research, and public policy*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195309836.001.0001.
- Kurst-Swanger, K., Petcosky, J.L. (2003) *Violence in the home: Multidisciplinary perspectives*. New York: Oxford University Press.
- Law, D.M., Shapka, J.D., Domene, J.F., Gagné, M.H. (2012) Are cyberbullies really bullies? An investigation of reactive and proactive online aggression. *Computers in Human Behavior*, 28(2), 664–672. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2011.11.013>.
- Levesque, R.J.R. (2007) *Adolescents, media, and the law: What developmental science reveals and free speech requires*. New York: Oxford University Press.
- Peterson, J., Densley, J. (2017) Cyber violence: What do we know and where do we go from here? *Aggression and Violent Behavior*, 34, 193—200. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2017.01.012>.
- Rebs, R.R., Ernst, A. (2017) Haters e o discurso de ódio: Entendendo a violência em sites de redes sociais. *Dialogo das Letras*, 6(2), 24—44.
- Renfrew, J.W. (1996) *Aggression and its causes: A biopsychological approach*. New York: Oxford University Press.
- Russell, G.W. (2008) *Aggression in the Sports World: A Social Psychological Perspective*. New York: Oxford University Press.
- Sparby, E.M. (2017) Digital social media and aggression: Memetic rhetoric in 4chan's collective identity. *Computers and Composition*, 45, 85—97. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compcom.2017.06.006>.
- Stephens, A.N., Trawley, S.L., Ohtsuka, K. (2016) Venting anger in cyberspace: Self-entitlement versus self-preservation in #roadrage tweets. *Transportation Research. Part F: Traffic Psychology and Behaviour*, 42, part 2, 400—410. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trf.2016.01.006>.
- Sylwester, R. (2001) How mass media affect our perception of reality — Part 1. *Brain Connection*. Retrieved from <https://brainconnection.brainhq.com/2001/12/04/how-mass-media-affect-our-perception-of-reality-part-1/>.
- Werner, N.E., Bumpus, M.F., Rock, D. (2010) Involvement in Internet aggression during early adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 39, 607—619. DOI: 10.1007/s10964-009-9419-7.
- Wright, M.F., Li, Ya. (2011) The associations between young adults' face-to-face prosocial behaviors and their online prosocial behaviors. *Computers in Human Behavior*, 27(5), 1959–1962. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2011.04.019>.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05 марта 2018

Дата принятия к печати: 20 мая 2018

Article history:

Received: 05 марта 2018

Revised: 10 April 2018

Accepted: 20 May 2018

Для цитирования:

Комалова Л.Р. Репрезентация вербального образа акта агрессии в информационном универсуме англоязычных СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 1. С. 149—164. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-149-164.

For citation:

Komalova, Liliya (2019). Representation of the Verbal Image of Aggression in the Informational Universe of the English-Language Mass Media. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 149—164. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-149-164.

Сведения об авторе:

ЛИЛИЯ РЯШИТОВНА КОМАЛОВА — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия. *Сфера научных интересов*: антисоциальное речевое поведение, лингвоконфликтология, социально-сетевая коммуникация, вербализация агрессии в медиа-тексте.

Контактная информация: e-mail: GenuinePR@yandex.ru

Bionote:

LILIYA R. KOMALOVA — Ph.D. (Advanced Doctorate), Senior Research Fellow at the Department of Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia. *Research Interests*: antisocial speech behavior, linguaconflictology, social-network communication, verbalization of aggression in mass-media texts. *Contact Information*: e-mail: GenuinePR@yandex.ru